

Бузулук в «Капитанской дочке»

(Из цикла «Оренбургские этюды о Пушкине»)

Завтра в Оренбурге открывается XXVII Пушкинская конференция. Предлагаем вниманию читателей материал одного из ее участников.

ПЕРЕЧИТЫВАЯ «Капитанскую дочку», я всегда старался представить себе местность, изображенную в повести Пушкина, в разных точках которой завязывались сложнейшие узлы судеб героев. Необходимо иметь в виду, что Пушкин посетил места, которые описывал, что он изучил их историю и топографию по письменным источникам. В «Капитанской дочке» он намеренно допускал смещения в пространстве — создание документально точной картины края не было его целью. Тем не менее, изображая тот или иной пейзаж или описывая какую-либо населенную местность, Пушкин всегда основывался на сделанных им в свое время личных наблюдениях или впечатлениях; его зрительная память была столь острой и верной, что мы зачастую безошибочно можем догадаться, какие реальные местности он имел в виду. Поэтому читателю, знакомому с Поволжьем и Оренбургской областью, страницы «Капитанской дочки» позволяют догадаться, о каких реальных крепостях или селениях, действительно существовавших во времена Пушкина, идет в его повести речь.

Так, например, меловые кручи, виденные Пушкиным по дороге из Оренбурга в Уральск у села Чесноковки, описанные в самом наименовании Белогорской крепости, хотя расположена она у Пушкина намного ближе к Оренбургу, на месте, где в действительности находилась крепость Татищево. Когда писатель говорит о родовом имении Гриневых, то невольно представляешь себе имение братьев Языковых (Языково), где Пушкин дважды побывал в 1833 г. во время своего путешествия по Оренбургскому краю. И становится вполне ясным, что когда в «Пропущенной главе» «Капитанской дочки» говорится: «Мы приближились к берегам Волги» (Акад., VIII, 375), — речь идет здесь о возвращении полка Гринеза-Зурина из очередной операции в башкирских землях. Правда, симбирская деревня Гриневых «находилась в 30 верстах по ту сторону реки» (VIII, 375), т. е. несколько ближе к Волге, чем Языково.

Среди местностей, упомянутых в XIII главе «Капитанской дочки», но по каким-то сооб-

ражениям оставшихся безымянными, есть «городок», где Гринев и его спутники оказываются проездом из Белогорской крепости в имение отца героя.

Вернемся к моменту, когда Гринев, Марья Ивановна с Пашей и Савельич «наконец... выехали из крепостных ворот и навек оставили Белогорскую крепость» (VIII, 359). Лошади мчали их в симбирскую деревню. Поехали они, безусловно, самым кратким и благоустроенным в то время путем — по укрепленной линии крепостей Самарской дистанции.

«Неприметным образом часа через два очутились мы в ближней крепости, также подвластной Пугачеву. Здесь мы переменили лошадей. По скорости, с каковой их запрягали, по торопливой услужливости брадатого казака, поставленного Пугачевым в комманданты, я увидел, что, благодаря болтливости ямщика, нас привезшего, меня принимали как придворного временщика.

Мы отправились далее. Стало смеркаться. Мы приближались к городку, где, по словам бородатого коменданта, находился сильный отряд, идущий на соединение к самозванцу» (VIII, 360).

После неожиданной встречи с отрядом правительственных войск Гринев, по счастливой случайности, находит в коменданте «городка» своего симбирского знакомого, Ивана Ивановича Зурина, который «тотчас распорядился... и приказал вахмистру отвести ей (Марье Ивановне, — П. Ф.) лучшую квартиру в городе» (VIII, 361—362).

Какой же это был город? Мы знаем, что между городами Самарой на Волге и Оренбургом на Яике по Самарской дистанции не было ни одного города, были только крепости и редуты. Правда, среди крепостей Самарской дистанции издавна выделялась Бузулукская крепость. Ее географическое положение способствовало росту и развитию разных областей хозяйства, продукты которых служили предметом вывоза. В летнюю пору Бузулукская крепость становилась оживленным перевалочным пунктом, по реке Самаре ходили вверх и вниз небольшие баржи и боты. Вниз, в сторону

города Самары, они шли груженные пшеницей, кожей, войлоком, шерстью, вверх — по реке Самаре до Тоцкой и Сорочинской крепостей и по реке Бузулуку до села Андреевки — строительными материалами, лесом, камнем, дровами.

Развитие хозяйства привлекало со стороны рабочую силу, которой уже было тесно в старой крепости, и новые «слободки» возникали к западу и к югу от ее стен. Не прошло и семи лет после битвы под Бузулукской крепостью 14 февраля 1774 г., как она была переименована в город Бузулук Уфимского наместничества. А после пожара 1785 года Бузулук совсем утратил облик крепости и стал строиться по плану, правда, утвержденному только в 1835 году.

Каким застал Бузулук Пушкин, дважды проезжавший через него осенью 1833 г., можно представить себе из записи его друга, поэта В. А. Жуковского, посетившего Оренбургский край четырем годами позднее, в год смерти Пушкина. Жуковский писал в своем путевом дневнике: «Бузулук бедный город, с большою площадью, на которой находятся полуразрушенные присутственные места». Итак, безымянный «городок» XIII главы «Капитанской дочки» — это Бузулук пушкинской поры, Бузулукская крепость времен Пугачевского восстания. Чувства Гринева, от лица которого ведется рассказ, настолько утомлены бурными событиями последних суток, что дорога не занимает его: и крепость, где перепрыгали лошадей, и «городок», в котором встретился он с Зуриным и снова простился с Марьей Ивановной, запомнились ему не сами по себе, а событиями, с ними связанными. Это сообщает запискам Гринева оттенок особой психологической достоверности, не лишая его рассказа, как мы могли видеть, живого колорита местности.

Вспомним и другое. «Бородастый комендант» ближней крепости уведомил Гринева, что в «городке», через который лежал его путь, «находился сильный отряд, идущий на соединение к самозванцу» (VIII, 360), однако ко времени приезда Гринева и его спутников в городе уже оказались правительственные войска. Несколькими же страницами далее, описав вступление свое в отряд Зурина и прощание с

Марьей Ивановной, Гринев замечает: «Это было в конце февраля» (VIII, 363).

А вот свидетельство документа, опубликованного Пушкиным в приложениях к «Истории Пугачева», «Г. генерал-майор и кавалер Мансуров 14 февраля, приближаясь с командою своею к Бузулукской крепости, встречен был злодейскою толпою, которая имела около 2000 человек с 15 пушками; он тотчас сделал учреждение к сражению с злодеями и, отрядя часть войск на другую сторону с подполковником Гриневым, приказал им зйти и напасть на злодеев от деревни Малаховой» (IX, 358). О действиях команды Мансурова писал и сам Пушкин в начале пятой главы «Истории Пугачева». «Наконец войска, отослав посланные противу Пугачева, стали приближаться к месту своего назначения... Генерал-майору Мансурову вверено было правое крыло, для прикрытия Самарской линии, куда со своими отрядами следовал майор Муфель и подполковник Гринев» (IX, 43). К этому то моменту в развитии Крестьянской войны и приурочены события XIII главы «Капитанской дочки».

В «Пропущенной главе», единственной уцелевшей от ранней редакции романа, Гринев называется Булагиным, а Зурин — Гриневым, причем здесь он имеет чин полковника. Не входило ли первоначально в намерение Пушкина столкнуть своего романтического героя сначала в симбирском трактире, а потом в «городке», только что отбитом у повстанцев, с лицом историческим, офицером команды Мансурова? Во всех им освобожденных крепостях Мансуров создавал и оставлял небольшие гарнизоны. Мы не знаем, был ли реальный Гринев комендантом одной из крепостей, но в любом случае назначение такое было бы в духе времени. Впоследствии, в ходе завершающей работы над текстом романа, Пушкин передал имя Гринева, действительного участника исторических событий, своему главному герою, наделив его знакомым вымышленной фамилией Зурина.

Думается, что высказанные нами соображения могут пополнить комментарий к «Капитанской дочке».

П. ФИЛАТОВ,
краевед, действительный
член Географического общества СССР.